

ПОМОЩЬ ПРИШЛА ИЗ МОСКВЫ

Две посылки — в Голландию и Швейцарию — были срочно доставлены в аэропорт Внуково. Их немедленно погрузили в первый же рейсовый самолет на Стокгольм.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 59 (3560)

Суббота, 18 мая 1956 г.

Цена 40 коп.

ФОРУМ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“

Сайрус ИТОН, американский промышленник

ПРИВЕТСТВУЮ ИДЕЮ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Вы спрашиваете, как я отношусь к идее мирного сосуществования? Отвечая, не могу не сказать и безоговорочно: от всего сердца я приветствую эту идею.

А. Л.

The Literary Gazette Forum

Le Forum de la Gazette Littéraire

Das Forum der Literarischen Zeitung

Бернар де ПЛА, французский экономист

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ

В буквальном смысле слова сосуществование означает мирное совместное существование на одной планете стран с различными, а часто и антагонистическими политико-экономическими системами.

Редакция обратилась к ряду зарубежных деятелей с просьбой ответить на два вопроса: 1. Каково ваше отношение к идее мирного сосуществования?

Лион Фейхтвангер, немецкий писатель, пользующийся мировой известностью. Шарль Муру, бельгийский сенатор, член либеральной партии; в прошлом году он в составе делегации парламента Бельгии посетил Советский Союз.

Могенс Линк, датский драматург, автор пьесы «Воздвиг кесарю прах», посвященной теме мира. Ганс Эрни, швейцарский художник, картины которого имеются во многих музеях Европы.

МЫ НЕ ДОЛЖНЫ УПУСТИТЬ ЭТУ ВОЗМОЖНОСТЬ

Я получил ваше письмо и весьма охотно откликаюсь на ваше обращение. На два вопроса, поставленные вами передо мной, можно дать, очевидно, короткие и ясные ответы.

Шарль МУРУ, бельгийский сенатор

имеющим чрезмерно ограниченную значимость. Если я подхожу к нему с позиций моей страны, то я, конечно, могу утверждать, что Бельгия с ее современной войной. Но к этому необходимо еще добавить, что на земном шаре есть достаточно возможностей для труда и мирной созидательной деятельности; в связи с этим все экономические проблемы могут найти свое разрешение.

1. Как я отношусь к идее мирного сосуществования? У меня в голове не умекает-ся, как можно не делать все, что только в человеческих силах, для обеспечения мирного сосуществования всех народов?

Могенс ЛИНК, датский драматург

Второе условие заключается в следующем: не отказываясь сами от каких бы то ни было убеждений и не требуя от других подобного отказа, мы должны осознать все более и более, что люди имеют в настоящее время обязательства не только в отношении своих узких и себялюбивых общественных ячеек, но и в общечеловеческом масштабе.

Какой бы идеологией ни придерживались люди, мне кажется безумием, если они станут рассуждать на то, что их идеология восторжествовала бы в развалинах и трупах.

ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ

Я изложил лишь некоторые из своих мыслей; каждая из них заслуживала бы более широкого освещения. Но мой ответ, пожалуй, и без того вышел слишком пространством.

ФАНАТИКИ НЕ ВОСТОРЖЕСТВУЮТ

Не могу себе представить, чтобы жизнь на нашей планете протекала дальше в какой-либо другой форме, кроме мирного сосуществования. Есть, конечно, фанатики, которые скорее захотят превратить земной шар в газообразное состояние, нежели отказаться от войны и от своей точки зрения; и, однако, так немногие, что огромное большинство населения нашей планеты, безусловно, сумеет помешать им осуществить свои намерения.

Могенс Линк

Все же мне хочется добавить еще несколько слов. Я стою за мирное сосуществование. Хотелось бы, чтоб это было только этапом на пути к братству всех людей.

ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Я получил ваше письмо; с удовольствием отвечаю на вопросы, которые вы мне задали. 1. Я защищаю идею мирного сосуществования в силу жизненной необходимости: человеку, которому дороги традиции науки и культуры, не приходится выбирать между разрушением и дальнейшим упрощением мира.

Ганс ЭРНИ, швейцарский художник

Выражаю признательность за ваше письмо и за прошу, прошу принять пожелания успеха вашей влиятельной газете и уверения в моих наилучших чувствах.

2. Народу Швейцарии, — а его постоянный нейтралитет и неприкосновенность нашей территории

Люцерн, Швейцария.

На теплоходе вокруг Европы

Как уже сообщалось, «Интурист» совместно с Министерством морского флота СССР организует путешествие советских туристов на теплоходе «Победа» вокруг Европейского континента. Им предстоит проехать морем 5350 километров и совершить остановки в шести иностранных портах.

Ливленд США

Лион ФЕЙХТВАНГЕР, немецкий писатель

Серьезные усилия, направленные на то, чтобы ликвидировать холодную войну, могут иметь следствием короткий период замательства для государств, экономика которых в большей своей части базируется на производстве вооружения.

Последняя остановка теплохода — в Стокгольме. Шведская туристская фирма «Ресор» организует для приезжих из СССР экскурсию по городу, осмотр исторических памятников, района нового жилищного строительства, посещение городского парка.

В КОНЦЕ прошлого года в составе делегации советских журналистов мне довелось совершить большое путешествие по Соединенным Штатам.

Мы видели много интересного. Но самым дорогим, самым интересным для нас были знакомства с американцами, посещение их домов, неформальные беседы за столом, за чашкой кофе, в кругу семьи. Те, кто приглашал нас к себе провести вечер, были людьми разных профессий, разного социального положения. Скромный коллега — газетный работник и всемирно известный писатель, простой автомеханик и крупный промышленник и финансист, знаменитый голливудский сценарист и столь же знаменитый чемпион по стрельбе из пистолета... Это были люди разных религиозных и политических убеждений, разной судьбы, люди, по-разному мечтающие о своем будущем. Это были американцы.

ПАСИФЕК ПАЛЕСИЭД, США

ВАЖНЕЙШАЯ ИДЕЯ ЭПОХИ

эпохи все больше и больше овладевает умами и там, на противоположном конце земного шара, на просторах великого Американского континента. Теперь даже те из западных международных обозревателей, которые сделали пессимистические прогнозы своим, так сказать, «творческим ампулам», вынуждены признать, что в результате новых и новых мероприятий Советского правительства наступила некоторая разрядка международного напряжения, что стрелка на политическом барометре медленно, еще очень медленно, но все же заметно поворачивает на мир.

Борис ПОЛЕВОЙ, член Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР

за срок, меньший, чем жизнь одного поколения, превратили из отсталой, неграмотной, нищей России в великую индустриальную державу, в страну крупного земледелия, — если эта преобразованная наша Родина понравится тебе.

напиталистического государства. И хотя перед ним обыкновенное человеческое письмо, требующее обыкновенного человеческого ответа, такой Великов рассуждает: «не отвечай, не буду на него отвечать, как бы чего не вышло... И не отвечает, сам того не понимая, что выставляет себя перед своим иностранным корреспондентом неужели и компрометирует себя и свое государство.

дипломатическому языку, который, как известно, иной раз служит для того, чтобы скрывать свои мысли. С этой точки зрения, мне кажется, заслуживает внимания форум «Литературной газеты». Редакция обратилась к общественным деятелям разных стран, к парламентариям, деловым людям, священникам, литераторам, артистам, художникам, философам с просьбой ответить на вопрос: что вы думаете об идее мирного сосуществования? Те, к кому обратилась газета, — это люди разных социальных слоев, разных политических и религиозных убеждений.

жет быть, порой грубый разговор мы предпочитаем изложению дипломатическому языку, который, как известно, иной раз служит для того, чтобы скрывать свои мысли. С этой точки зрения, мне кажется, заслуживает внимания форум «Литературной газеты». Редакция обратилась к общественным деятелям разных стран, к парламентариям, деловым людям, священникам, литераторам, артистам, художникам, философам с просьбой ответить на вопрос: что вы думаете об идее мирного сосуществования? Те, к кому обратилась газета, — это люди разных социальных слоев, разных политических и религиозных убеждений.

По торговым договорам



Теплоход «Николай Островский», построенный на бельгийской верфи.

На днях во французский порт Сен-Назер выехала группа советских моряков. Они приехали на теплоходе «Сергей Боткин» — одну из шести судов, которые французы должны сдать нашему морскому флоту в нынешнем году. Этот заказ в торговых кругах часто называют «научной серией»: суда будут носить имена виднейших русских ученых: «Иван Павлов», «Илья Мечников» и другие.

Приезд югославских артистов

Через два дня на сцене Московского Художественного академического театра имени М. Горького начнутся гастроли Югославского драматического театра. Впервые состоялась встреча приехавших в столицу югославских артистов. Это один из молодых театров Югославии: «Мы не успели отпраздновать даже своего десятилетия», — шутил говорил на вокзале режиссер Б. Ступица. Однако театр успел завоевать у себя на родине огромную популярность.

в постановке образования, социального обеспечения, в науке, литературе, искусстве, спорте, а не в производстве вооружения и не в изыскании новых средств массового уничтожения. Пусть время станет нашим арбитром! Теперь уже и самые яростные наши противники не отрицают, что СССР одну за другой обогнал все самые богатые страны Европы, могущество и техника которых накаливались столетиями. Самые реакционные экономисты уже не отрицают, что мы идем вперед так, как не хаживали и Соединенные Штаты в пору самого бурного своего расцвета. Мы смело выступаем в мирное соревнование, уверенные, что победим. Время, подводя итоги мирного соревнования, покажет, что наша социальная система совершенней.







ПОВЕСТЬ прочитана, но образы ее запечатлеваются надолго. Ночью в каморку молодого художника приходит привидение — старик, играющий тяжелыми черновыми. Наступает утро...

Писатель ведет нас дальше, он рассуждает об искусстве, и противоречивые изречения сменяют друг друга. Один клеветник продажный петербургский свет, другие источают дух незлобивости, смирения: «Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусство... торжественный покой выше всякого вольного мирского... для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое созидание искусства».

Прочитав повесть Гоголя «Портрет» рабочий, холостяк, паренек из ремесленного училища или школы ФЗО, задумается над ее очевидными противоречиями и захочет посоветоваться со сведущими людьми. Предположим, они выберут брошюру В. Совсуна «Н. В. Гоголь и наша современность», изданную в годовщину дня в Минске. Ее раскроют, ожидая ответа: что же это за повесть «Портрет»?

По страницам брошюры прозвучат слова, еще более, кажется, странные, чем те, что звучали со страниц повести: «...Гоголь видит причину гибели своего героя в роковой силе портрета ростовщика, но достаточно соскочить этот фантастический романтический налет, как истинная причина трагедии Чертова предстает весьма четко. Не случайно душа именно ростовщика, этого капиталистического выродка, лежит в магической силе его портрета. Магический портрет есть как бы символ капитализма...». Стало быть, это символ капитализма являлся по почам к смятенному художнику!

Работа В. Совсуна — одна из брошюр, выходящих к юбилейным датам. Издания такого типа встречаются и в академической библиотеке и в избр-читальне; их читают все. Но о них почти не пишут.

А жаль. Одна только брошюра В. Совсуна внушает немалую тревогу, и одно словечко «соскочить» воспринимается как своего рода программа.

Написанного пером не вырубши топором, говорили деды и прадеды. Они оказались недостаточно дальновидными. Топором — не топором, а скребок пройтись по книгам классика, оказывается, можно. И будь В. Совсун одним, можно было бы лишь улыбнуться его наивной решительности. Но горе в том, что его работа по своему «ярко отображает» особенности выступлений некоторой части литературоведов перед читателем — это статьи, приуроченные к знаменательной годовщине и превращенные в узаконенную форму выступления истории. Такие выступления бываю пропитаны духом юбилейщины и неизбежно ее спутница — вульгаризация. Дух этот улавливаем и в статьях специальных журналов, но проникает иногда в комментарии к юбилейным изданиям, сказывается на принципах их редактирования.

Перед нами произведение, созданное много лет назад. Вправе ли мы «соскочивать» в нем то, что «не созвучно сегодняшнему дню», «не подходит», «не соответствует»? Вряд ли. Таким образом недолго опрокинуть полку в прошлое, выскоблить одну половину классического наследия, изменить другую по своему усмотрению.

Вопрос о проведении литературных юбилеев — это вопрос о дальнейшем овладении ленинской методологией, о ее развитии. Одно из двух: или использовать знаменательные даты для безудержных и неунывающих лириков, или отмечать их так, как отмечал Владимир Ильич Ленин, — по-деловому, научно, не стесаясь правды.

Вспомним, как выступал в дни юбилеев Ленин. Понятия «ленинские статьи о Толстом и Герцене» и «юбилейные статьи» как-то не вяжутся. Но тем не менее «Памяти Герцена», «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» — юбилейные статьи или даже своего рода некрологи. Но не для нас, а для изучения настоящего исторического места писателя выступал Ленин. Вскрыв своеобразия общественной жизни в тот или иной исторический период, он вел читателя к исследованию особенностей мировоззрения и творчества художника. Как всегда, он был конкретен.

Именно такая конкретность сообщает силу исследованию истинного ученого. Но рядом с серьезной юбилейной литературой есть и юбилейщина. Она чужда какой бы то ни было конкретности и предпочитает общие слова. Мы проходим мимо них с какой-то удивительной снисходительностью: «некоторые декларативности», «отдельные недостатки» — все, мол, не без греха. И если в дни юбилеев количество их возрастает до невероятности, это принимается, как должное: ведь юбилейная фраза, ни к чему не обязывая, дает простор для всякого рода домыслов и произвола.

С нею начинается юбилейщина. И не случайно превращение Гоголя в последовательного обличителя капитализма, а «Портрета» — в какой-то «Плакат» в брошюре В. Совсуна начинается именно с расплывчатой характеристики тридцатых годов прошлого века. Сказано там, что это время был «кресной гнет», ввиду чего «у крепостников-помещиков атрофировались все общественные чувства...», они «...жили едой, обжираясь по десять раз в день...» и «...женялись при помощи свекла...». А такая «характеристика эпохи» позволяет говорить о писателе все, что угодно.

Обратимся к некоторым из работ, посвященных другим писателям. Остановимся, например, на статье Л. Тимофеева «Вопрос о традиции классики в русской советской литературе» — она была напечатана в журнале «Литература в школе». Речь идет о традициях Льва Толстого в творчестве Шолохова. Л. Тимофеев стремится глубоко, научно подойти к решению проблемы: он хочет сопоставить принципы

В. ТУРБИН

# О ЮБИЛЕЙЩИНЕ

типизации Толстого, его современников и наследников. Все это могло бы оказаться интересно и поучительно. Но как же мешают ученому предвзятость — дань «знаменательной дате»!

Переход Толстого на позиции патриархального крестьянства обусловил, как известно, и сильные и слабые стороны его творчества. Из них в поле зрения ученого попадают лишь одни, сильные. И это смещение исторической перспективы находит какое-то сложное, даже замысловатое обоснование. «...Переход Л. Толстого на позиции патриархального крестьянства, стремление его в основу оценки окружающей действительности положить морально-этические идеалы, почерпнутые им в народной жизни, понимание роли творческого труда для формирования человеческой личности — все это определяло, так сказать, потенциальную возможность его творчества, т. е. самую направленность внимания писателя к народной жизни, понимание того, что именно из среды народа выходят носители созидательной силы». Переведите слова исследователя на более простой язык, и вы окажетесь перед простым толком. Толстой был близок народу потому, что... он был близок народу.

А затем начинается осторожное приближение Толстого к Чернышевскому и Шолохову. Сопоставляя его с революционно-демократической «партией народа», исследователю приходится к выводу: «Близким я этой «партии народа», при всех конкретных расхождениях с Чернышевским и другими революционерами-демократами, Толстой делало именно то, что он напечат и последовательно проводил важнейший критерий оценки человека — определение характера путем раскрытия его отношения к интересам и запросам трудящихся народных масс». Проще говоря, Толстой и Чернышевский судили своих героев по их отношению к трудящимся массам, а следовательно, они были близки.

Мысль бесспорна, но слишком уж общая. Ведь и до Толстого некоторые наши классики судили героя по его отношению к народу; не один Толстой, видимо, «нашел» этот принцип, эту «потенциальную возможность». Вся же суть дела именно в тех конкретных различиях, которые в статье обходятся. Мало сказать: Толстой был близок народу и Чернышевский был близок народу — это неизбежно заставит читателя думать, что они были близки народу в равной мере. Но ведь в разное время складывались «в трудящихся народных массах» разные «этические идеалы». Революционные демократы обращались к народу с призывом к крестьянской революции. Толстой же одновременно с беспощадными обличениями нес в массы «...проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религия...» (Ленин). Можно ли забывать об этом? Но исследователь увидев в прошлом лишь то, что хотел бы видеть, и выдал желаемое за сущее.

Между тем улучшение истории, как всегда, переходит в ее ухудшение. Приравняв Толстого к революционным демократам, мы неизбежно начинаем скрывать воинствующую неприимчивость их мировоззрения. Блестит представление о художественном могуществе Толстого. Стремлясь доблестно приблизить его к Шолохову, Л. Тимофеев сравнивает стиль двух писателей. И оказывается: их общность в том, что у одного художника выступает плененный «с крохотной бородачкой, прилепившейся на уголке бривит верхней губы...», а у другого — «плоский «с дырочкой на подбородке». Толстой и Шолохов, кроме того, точно датируют события и вкрапывают в речь героев областные или иностранные слова. Но неужто это и есть традиция художественного мастерства Толстого!

Классикам спорить не положено, они должны как можно больше походить друг на друга — вот неписанное правило, переходящее из одной юбилейной работы в другую. Ведь Гоголя — об этом не однажды говорилось в печати — училища и, если можно так выразиться, училища «назад», приближая его к декабристам, и «вперед», «приподнима» его до Белинского. Немало труда стоило тогда восстановить историческую правду.

Но бывает: пока одни наши литературоведы, стремясь сохранить и развить ленинские принципы, ликвидируют последствия юбилейщины, приближается новая знаменательная дата, и то, что было подвергнуто критике, скажем, в годовщину дня, начинает возрождаться в дни памяти Толстого...

Не так давно отмечались юбилей таких разных писателей, как Достоевский и Есенин. Много полезного было сделано в эти дни — ведь годами не появлялось ни одного исследования, ни одной статьи, посвященных творчеству этих художников. И, конечно, такие застарелые и глубокие проблемы литературоведческой науки не смогли не сказаться во время юбилеев. Многие делались торжливо, «всплохуха», некоторые серьезные проблемы — ведь речь идет о писателях, творчество которых очень сложно и противоречно, — остались за пределами внимания литературоведов и критиков или были решены неглубоко, не во всем точно.

Да и разумно ли вообще вести изучение творчества того или иного писателя «по юбилеям», по «кружным датам»? Одно дело — в дни юбилеев подвести итоги длительному и систематическому исследованию; другое — планировать развитие литературоведческой науки, сообразуясь не с запросами читателя, а с календарем.

Так появляются забытые критиками и историками литературы художники слова. От случая к случаю изучаем мы сейчас Лермонтова и Тургенева, а уж о Лескове, например, и говорить не приходится. Юбилейщина ущемляет изучение истории литературы.

По богу не только в этом. Юбилейная научная литература оказывается последним — а нередко и единственным — словом о писателе. А раз так, — она начинает восприниматься как норматив, эталон, образец. И тогда ее методология мало-помалу ложится в основу дальнейшего, так сказать, будничного изучения художественного наследия.

Вышедший недавно сборник воспоминаний о Толстом — один из примеров юбилейщины, входящей в повседневность. Составители оцелили все, чтобы Толстой, человек и писатель, был представлен в книге приглашенным, безукоризненным, ни разу не ошибавшимся. И хорошо, что против такого подхода к делу выступил один из старейших советских литературоведов В. Эхенбаум («Сборник воспоминаний или хрестоматии?», «Новый мир», № 11, 1955). Но с юбилейщиной не так-то легко сладить. И вот выходит новая книга, сборник статей о Толстом («Л. Н. Толстой». Ученый, 1955). В конце этой книги, по словам составителя, «...приведены высказывания классиков русской литературы, иностранных писателей, а также советских писателей о Толстом». Какое же приращение этого «высказывания»? Из Герцена, Писарева, Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина выхвачено по несколько строк. И получается: все русские писатели только и драли, что прославляли Толстого, преклонялись перед ним, куврили ему фимиам. В недалеком «юбилейщине» превратились и Чехов, который в переписке и в творчестве не однажды резко возражал Толстому, и непримиримо резкий Писарев, тот самый Писарев, которому принадлежит статья «Промехи незрелой мысли»!

Нет, борьба с цитатизмом — не кампания. И нецелесообразно составлять набор готовых «цитат», которые им остается только красиво переписать да развесить по стенкам.

Вопросы методологии — это тоже вопросы методологии. И, помирившись с ухудшением истории в статьях и сборниках, мы начинаем мириться с ним в изданиях классиков.

Из юбилейного шеститомника Пушкина исчезает вызывающе дерзкая сказка «Царь Никита и сорок его дочерей». Пушкина иронизируют на полуслове — как на грех, на ироническом выводе в адрес «богомольной важной дуры, слишком чопорной цензуры». Пушкин кому-то показался безразличным.

А как быть, если классик заблуждался, если он обновился мыслью явно ошибочной? Редакция недавно вышедшего в свет тридцатитомного собрания сочинений Горького решила вопрос просто. Взмах пера, лаг ножики — и появляется стилизованное многоточие. И эта участь постигла не только Горького. Купюры сделаны и в полном собрании сочинений Чехова.

Точному и правдивому освещению творчества великих писателей могли бы способствовать подлинно научные комментарии. Однако этот благодарный вид исследовательской работы начинает исчезать. В первых томах академического издания Лермонтова его, например, заменили беглые библиографические примечания.

В полном собрании сочинений Белинского примечания более подробны. Но не проникает ли и в них дух юбилейщины? Великий критик принял на себя всю тяжесть переходного времени — 30-х годов. Искания его сопровождали заблуждениями и ошибками, и читатель встретится с очень противоречивыми суждениями Белинского. «...Великая жена... прочтет он, скажем, о Екатерине II... — умела сродниться с духом своего народа...». А комментарий разъяснит: «Белинский преувеличивал положительные черты Екатерины II». Читатель прочтет: «Итак, ищите в истории не уроков опытности, — ищите в ней дыхания жизни божьей...». Комментарий сообщит: впервые «подобный взгляд на историю» Белинским высказан тогда и там-то.

Комментировать — значит объяснять. Объяснить — значит ответить на вопрос: почему произошло то или иное явление? Но комментаторы остаются безразличными, они или принимают оправдывающее великого критика, или как бы просят за него извинения. А высказет он что-нибудь, никакому оправданию не поддающееся, — и с последних страниц тома раздаются обнадеживающие голоса: «Впоследствии, отойдя от идеи примирения с действительностью...», «Впоследствии Белинский отказался от этой точки зрения», «Впоследствии Белинский изменил свою точку зрения», «Впоследствии Белинский изменил свой взгляд...». И так все время. Нас то и дело утешают: «впоследствии» Белинский исправился. Вопрос запутывается, беда великого критика превращается в вину. А ведь можно было не краснеть за Белинского, а кратко и ясно рассказать об истоках его ошибок. Ничего страшного не произошло бы!

Нам незначит лиризовать, недоговаривать. «Не юбилейте!» — призывал Маяковский, и каждый согласится с ним: воспитывать читателя на классической литературе — не значит отменять ему правду алчными мезурками. В них же литературоведческих работах читатель не узнает того, что прочтет в книгах. И ему покажется: ученые почему-то играют с ним в прятки. Деяния одного юбилейщика могут подорвать веру в труд многих критиков, правдивых и смелых. Так не стоит же подтачивать авторитет советской науки.

Только мечтанию играет на руку юбилейщина. И восходит она именно к обыденщине, недаром же, говоря о вреде всеяческого словословия, Ленин подчеркивал — «обывательского словословия».

Борьба с юбилейщиной в истории литературы — это одна из сторон борьбы за партийность, отрицающую выдумывание того, чего в прошлом не было, и предполагающую последовательно — марксистский подход к тому, что в ней действительно было.

# ДНЕВНИК ИСКУССТВ

## Новое издание «Левши»

Эти книги, которых нельзя не перечитать заново, как только возьмешь их в руки. К счастью русских читателей, таких книг в литературе прошедшего века, прославившего ее на весь мир, у нас много. К ним принадлежит и знаменитый «Левша» Николая Васильевича Гоголя. «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе».

Лесков — писатель особой, замедленной временем судьбы. Его жизнь представляет собой непрестанную битву за право художника на свой голос, на открытий, отсыканных в народе язык, положенный затем в основу того своеобразного литературного стиля, который становится знаком писателя. Лесков был настоящим ратоборцем за свой стиль, внутренне нераздельный, слитый во все частности с глубоким содержанием творчества.

Читателя Лесков завоевал не сразу, но гораздо раньше, чем пришло признание литературной общественностью таланта и заслуг писателя перед историей литературы. Лесков умер с чувством недовольства такого признания, с чувством горечи, и — однако, — убежденный, что сделал для русской культуры то, к чему был призван, и что время оценит его труд по достоинству. В этом он не ошибся.

О внутренних противоречиях творчества Лескова у нас писало немало, но уже очевидно, что литературоведение наше все ярче выделяет из наследия писателя драгоценное искусство поэтического его создания — «Тупейного художника», «Очарованного странника», «Мелочливого архиерея жизни», «Левши».

Исследователям лесковского прозы в этом направлении предстоит еще большая работа, потому что богатство и сложность лесковского стиля — виртуозность его ритмики, словесный орнамент, подлинная народность речи, народная игра и новаторские изыскания языка, дьявольская музыкальность слова, композиция, идущая от «житий», сказок и хроник, — все это нецелесообразно по разному образу и дает удивительный материал, чтобы говорить о «поэтике» оригинальнейшего художника слова.

Лескова любил Лев Толстой, им восторгался Горький. Это два различных подхода к одному явлению искусства. Но это явление настолько многогранно, что рассмотренное в разных ракурсах, оно никогда не покажется бедным, а будет щедрым питать и мысль и чувства.

Сейчас Лесков выходит все более заметно на мировую арену перед читательской массой — его переводят в Европе, им начинают зачитываться на других континентах. Мне кажется, после славы Чехова, облетевшей все страны мира, следующий русский классик XIX века, которого ожидает едва ли не повсеместное посмертное признание, будет Лесков, конечно, с поправкой на чрезвычайную трудность передачи его изысканного стиля на других языках. А как это было с одним чешским литературоведом, который только что «открыл» для себя Лескова, — он был счастлив своим открытием и дивился неисчерпаемой ценности «запасов» нашей классической литературы.

В недавно вышедшей превосходной монографии «Жизнь Николая Лескова», написанной его сыном Андреем Лесковым (труд в вы-

сокой степени примечательный как обширностью неизвестных материалов, так и литературными достоинствами), автор обращает внимание на одно житейское обстоятельство: Лесков: он имел склонность к собирательству и покупал древние иконы, то коллекционировал часы, камни или другие предметы. «Ценю в этой «слабости увлекательность», — пишет биограф, — было не то, сколько было собрано тех или других предметов, а то, что каждое временное увлечение давало литературные плоды».

Интересу Лескова к оружейничеству и к собиранию русского оружия наша литература и обязана чудесным сказом о тульском «Левше», подковавшем английскую блоху.

Сейчас в Гослитиздате вышло новое художественное издание «Левши».

Книгу эту не раз иллюстрировали наши художники, и среди графических верхов, столь исключительных, место выхваченных из народных

иллюстраций и не могут выразить своего впечатления от них лучше, чем они вдруг высказались в письме к художнику, когда он заставил меня перечитать «Левшу» с его рисунками.

Дорогой Николай Васильевич, сердечное спасибо за подношение, очень меня порадовало. Вашей работой, которую трудно похвалить так, как она этого заслуживает!

Я с наслаждением рассматриваю рисунки и дивлюсь тому, как Вы точно ухватили и передали самый дух лесковского шедевра, — это сочетание насмешливого с грустным, явного со скрытым, эту пропаль между действительностью и сказкой, а в то же время их слитное единство.

Вся эта утонченная игра Лескова, который словом одним и изворотом слова дает почувствовать свою любовь к «величайшему гению» с утраченным для потомства именем; и горькую свою злобу на несчастье русской народной судьбы; и язвительность по адресу всего «яко-копоставленного» или «нигилистического» — все это игра словом подхвачена и пересказана Вашим пером рисовальщика, красками художника.

Замечательен Платов! И главное — характер его удивительно полон движения, и он весь живет; и там, где смеется, и где плачет, сердце злится, спит и действует, и доживает век, полную «полную пульсацию». И как он изумительно ест глаза императора, сохраняя дистанцию, и трепеща и мужественно рассуждая!

Оба брата императора — Александр и Николай — отлично разгаданы, — очень разные, а вроде бы и схожи. Но Николай разработан едва ли меньше Платова; он выражает всю эпоху, «объемлет» ее собою, как сосуд. Хотел его прямо слышать, и слышал бы тот, кому не приходилось ему подходить.

Туляки Ваши трогательны. Хорошо, что Вы дали простую, но картинную, а



добрый и проникновенный облик Левши. Это — портрет народного типа, каким его мыслит Лесков: русский человек вдумчивой мысли, нечестя. Чудное оно сидит на сундучке с думой — «где наша Россия?». И весь его путь — в Ваших картинах о нем — такой близкий русскому глазу путь наших горе-гимназистов.

Словом, на мой глаз читателя и созерцателя книги, произведение художника силось здесь с образами великого писателя, и труду Вашему предстоит жить столь же долго, сколько проживет бессмертный для нашей литературы «Левша».

Поздравляю Вас, Николай Васильевич, с этим большим завоеванием славы и — будьте здоровы на много лет.

Мне хочется закончить эти аметки лужкой дегтя в бочку меда. Книга поистине хороша во всем, что касается красок, клише, печати, бумаги. Но допущена начальная небрежность издания, не удалившим терпения подысканного материала для «одежды» книги: сочетание желтого перелета с оливо-зеленой суперобложкой отталкивает глаз, — оно противно своей несвязностью. Я понимаю, что «под рукой» не было лучших цветов ледерина (неизбежного ледерина) и обложечной бумаги. Но книга делается долго. Надо было обдумать, где достать и как получить добротное по краскам сырье, чтобы прекрасное создание автора, художника, печатника не обвешало в мешанку обуви и не одевало в рыночных сафран. Печально говорить это, но не сказать нельзя.

Конст. ФЕДИН

## Спектакль и зритель

Спектакль Ростовского драматического театра имени М. Горького «Искры», поставленный по мотивам одноименного романа Мих. Соколова, до последнего времени шел чуть ли не через дверь. Давно не было постановки, которая бы вызвала такое количество коллективных посещений.

Особенно внимательны бываю на спектаклях молодые россияне. И это понятно: ведь все, что происходит на сцене, для них, молодых строителей коммунизма, — не просто страница истории, а живые картины героической борьбы их отцов за радость и светлое будущее.

Спектакль обсуждали коллективы Ростсельмаша и управления Волго-Донского пароходства, студенты медицинского института и учащиеся мореходного училища, комсомольский актив и учителя. В заводских и фабричных многотиражках появились письма зрителей.

Все ли удалось автору пьесы Мих. Соколову, постановщику В. Менчикскому и актерам? Один из зрителей образно сказал, что пьеса и спектакль — это крепко построенный дом, но в доме этом нужно еще наводить порядок.

Зрители высказали упреки по поводу образов Луки Матвеевича, Ильи Чургина и Леона Дорхова. Представитель ЦК РСДРП, по мнению зрителей, обрисован автором малоубедительно. Он похож на инструктора-начетчика. Таким его вынужден играть и актер С. Волжин. Очень сух, малодетелен и Илья Чургин. Что же касается Леона Дорхова, то автор не показал, как рос и мучал этот степной казачий парек, как расставаясь с бунтарскими чертами характера, он превращался в профессионального революционера.

Зато единодушно высокую оценку зрителей получило

## Французская книга о русском танце

Жорж Сориа — видный общественный деятель, большой друг Советского Союза, журналист, поэт и драматург. Книга написана с большим знанием дела. Однако ее сила не только в профессионализме автора. Дело в том, что «Балет Моисеева» — исследование интереснее, популярнее и глубже одновременно. Автор свободно и непринужденно рассказывает об истоках триумфа ансамбля Моисеева в Париже, о тех объективных условиях, которые существуют в стране, где данный коллектив возник, живет и работает, о творческих принципах его руководителя, который, обратившись к танцам народов СССР, не стал их «бесстрастным копировщиком», а шел по пути подлинно художественного творчества.

С первых же страниц книги мы живо ощущаем ту чистую и возвышенную красоту, которая принесла руководителю ансамбля народному артисту СССР Игорю Моисееву почетным членом Французской Академии музыки и танца. Но сейчас мне хочется рассказать о том, чего, быть может, не знает наш читатель, — о книге, которая писалась и издавалась в Париже в те сорок дней, когда там гастролировал ансамбль. Книга эта называется «Балет Моисеева». Ее автор —

лантливейших танцовщицах: некоторые из них пришли из самостоятельности, некоторые получили специальное образование в хореографическом училище. Большого театра или в школе ансамбля. Но сейчас все они — одно целое, все объединены единым стилем работы.

Правда без натурализма и абстракции: душа народа, выраженная в танцах ансамбля, создавшего новый, народный балет, — вот в чем, по мнению автора, сила этого коллектива. Сориа призывая французских балетмейстеров-фольклористов извлечь урок из встречи с ансамблем Моисеева, учится у него творческому отношению к обработке и воплощению народных танцев.

На этом можно было бы закончить рассказ об интересной книге Жоржа Сориа, если б не необходимость извлечь из нее некоторые уроки не французским балетмейстерам, а нам, русским литераторам.

Быть может, книга Жоржа Сориа, написанная великолепно проиллюстрированная и превосходно изданная за столь краткий срок в Париже, заставит товарищей из издательства «Искусство» подумать о быстром ее издании у нас, а заодно и о том, что нам давно и все еще следует иметь в своем собственном достоянии издания по хореографии.

Анна ИЛУГИНА

## КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

- Беллев В. Голос Тараса. Рассказы. Для младшего и среднего возраста. Рисунки Е. Корнеева. Детгиз. 95 стр. Цена 2 руб. 25 коп.
- Беллев В. Рассказы о цветах. Симферополь. Крымиздат. 205 стр. Цена 4 руб. 35 коп.
- Кудряшова С. Добрый день! Сборник рассказов для младших школьников. Иллюстрации А. Глуховцев. Краснодарское книжное издательство. 55 стр. Цена 1 руб. 35 коп.
- Куликов Л. Младшая сестра. Серия Иллюстрации Н. Пономарева. Курган. Издательство «Красный Курган». 51 стр. Цена 1 руб. 25 коп.
- Личидей Д. Веллецы. Восстание на золотых приисках. Повести. Для старшего возраста. Перевод с английского. Р. Рыковой и А. Куликов. Иллюстрации Т. Снеофонтова. Детгиз. 328 стр. Цена 7 руб. 65 коп.
- Мавр Я. ТВТ или Повесть о том, как писатели возмущались против гнета вещей и удивились, когда они научились видеть то, чего другие не видят, и как Шубин добывал очки. Авторизованный перевод с белорусского. А. Тонкеля. Иллюстрации С. Спичкина. Детгиз. 120 стр. Цена 2 руб. 75 коп.
- Московкин В. Валерка и его друзья. Повесть. Для младшего и среднего возраста. Иллюстрации Н. Бирсакова. Ярославское книжное издательство. 62 стр. Цена 1 руб. 10 коп.
- Новгородский Г. Дик с 12-й Нижней. Повесть. Для младшего и среднего возраста. Рисунки П. Яковлевича. Детгиз. 204 стр. Цена 4 руб. 80 коп.
- Собо В. Скала Дельфин. Повесть. Для среднего возраста. Авторизованный перевод с украинского В. Билия. Рисунки В. Коржевского. Детгиз. 110 стр. Цена 2 руб. 50 коп.



# ЛУЧШЕ ЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА

Люди, которым приходилось много путешествовать, порой размышляют о том, в какой из стран им жилось интереснее, где впечатления были наиболее разнообразными и глубокими. И почти всегда отвечаешь на этот вопрос — во Франции. И это потому, что с давних пор неразрывны и дружественны связи нашей отечественной культуры и культуры Франции.

Лев НИКУЛИН

В самом деле, разве энциклопедисты не привлекали своими творениями лучшие умы своего времени, и в том числе, конечно, наших соотечественников — передовых людей России? Интерес русской общественности к культуре и политической жизни Франции всегда был искренним и глубоким. Разве библиотека Дидро не стала достоянием нашей страны? Разве редчайшее собрание журналов, прокламаций, листовок эпохи Французской революции не находится в фундаментальной библиотеке Академии наук СССР?

Обратимся к литературе. Значительная часть русской поэзии Василия Тредиаковского воспел в стихах «драгой берег Сесеней» и столицу Франции Париж, где он жил и учился.

Прозер Мериме в глубокой по мысли и восторженной статье писал о величайшем из поэтов — Пушкине:

«Будучи еще очень молодым, он умел полагаться своим воображением, умел сдерживать себя, поправлять самого себя... это всадник, прекрасно сидящий в седле, заставляющий своего коня скакать в ту сторону, в какую он хочет».

Это была высокая похвала, ценнейшее признание, потому что ныне, даже прославленные писатели не всегда могли управлять полетом своего воображения.

В России раньше, чем в других странах, нашел себе признание гений Стендаля, Славя Стендаля, Балзака, Флобера, Мопассана утверждал среди русских читателей Лев Толстой. Балзак — гений, говорил он Горькому, «это есть то самое, что нельзя назвать иначе... гений».

Когда умер Флобер, Тургенев писал Золя:

«Нет надобности говорить вам о моем горе: Флобер был человеком, которого я любил более всех на свете. Он нас ушел не только великий талант, но и избранное существо — центр, объединяющий нас».

Мы испытываем глубокое удовлетворение, когда думаем о том, с каким восхищением были приняты французскими читателями эпопея Льва Толстого «Война и мир» и вместе с ней, поразительная по силе проникновения небольшая повесть «Смерть Ивана Ильича». Не радует то, что во Франции любят Чехова и Горького, а в нашей стране — их современников Анатоля Франса и Романа Роллана.

Мы слушаем в исполнении наших виртуозов произведения Дебюсси, Раавеля и думаем о том, что Дебюсси жил в России. А вспоминаем более далекие времена, обращаемся к записям Берлиоза, по-настоящему знаменитую церковь в Коломенском и с восторгом отозвавшегося об этом памятнике древнерусского зодчества.

Монумент Петру работы скульптора Фальконе, этот изумительный памятник, вдохновил Пушкина, создавшего одно из величайших своих произведений — поэму «Медный всадник».

Мы приходим по залам наших музеев и гордимся тем, что у нас собраны редчайшие произведения французской классической живописи, произведения французских художников импрессионистов, картин Гогена, Сезанна и Пикассо. Мы как бы продолжаем обозрение музеев Франции.

Талант, вкус французского народа сказываются в великом и малом: в творениях его писателей, художников и даже в том, как изящно и привлекательно украшает витрину маленького магазинчика девушка-продавщица, как она распластает в витрине галстуки, материи или просто безделушки.

Вкус народа проявляется в искусстве его садоводов, в великолепных парках Версаля и в крошечном садике у входа в крытый черепичный домик в деревне, вблизи автомобильной дороги.

Изучая культуру Франции, мы отдаем должное ее даровитому и умному народу, мы любим великий французский народ.

Мы любим этот народ за щедрость, с которой он отдавал свой талант другим странам, за то, что в этом народе нет напыщенности, самонадеянной гордости всем, что он создал во славу культуры человечества. Мы любим народ Франции за то, что, претерпев жестокие испытания в войне с германским империализмом и фашизмом, потеряв миллионы своих сыновей и дочерей, этот народ каждый раз находил в себе силы возродиться к жизни и не боялся своей прежней славы, во всех областях промышленности, культуры, искусства.

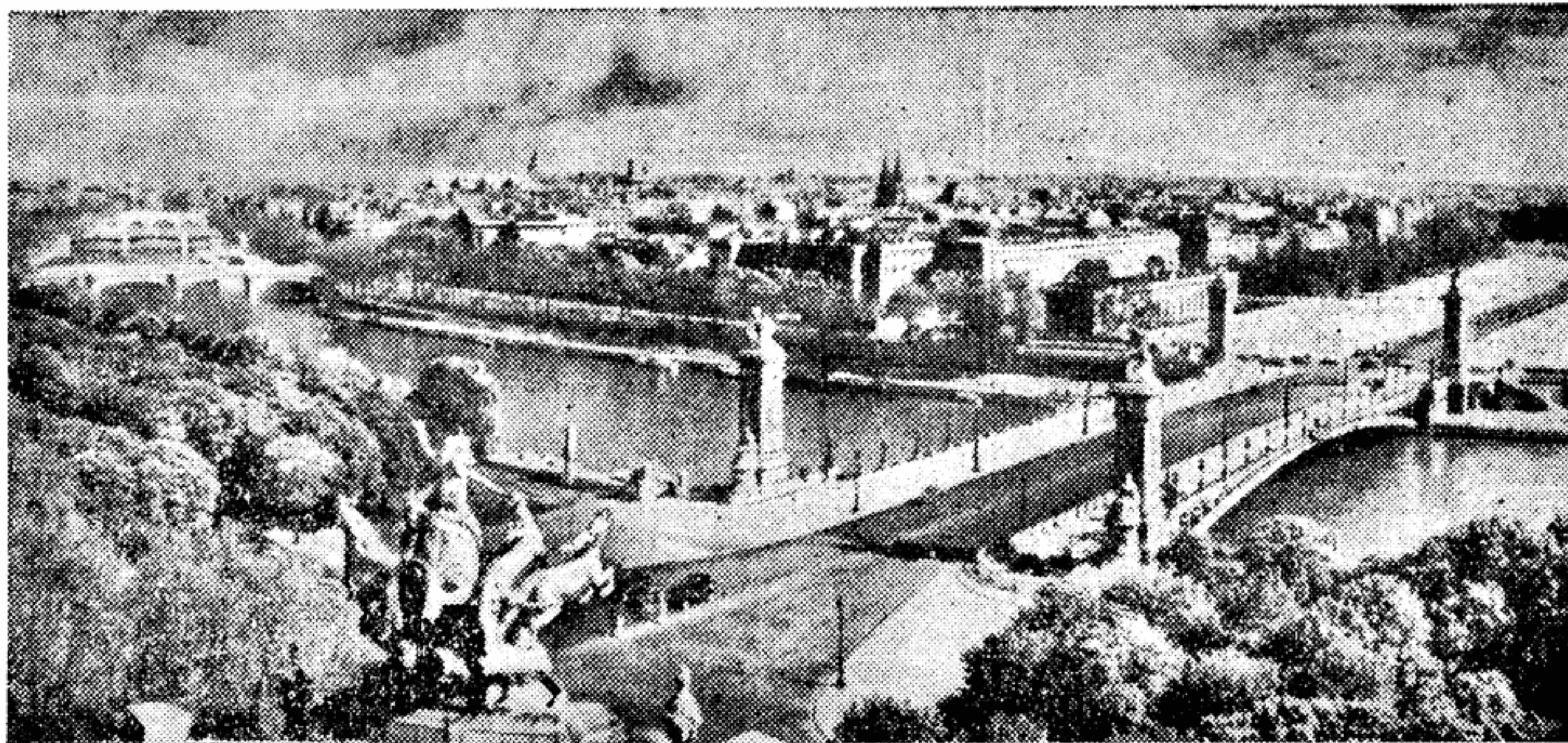
Правда, в наше время друзья Франции глубоко скорбят, когда Парижу грозил смертельная опасность, когда прекрасный город был под угрозой разрушения. Но Париж был сохранен, и когда спустя год после освобождения столицы Франции от фашистских оккупантов я спросил товарища о том, как он увидел Париж, товарищ ответил, улыбаясь: — Париж всегда Париж...

И это означало, что парижане трудятся, поют, смеются, шутят и что жив галльский юмор, несмотря на пережитые тяжкие испытания, что жива Франция, живет и работает, как всегда, с умением и вкусом ее трудолюбивый народ.

Добродушие, ум и юмор народа проявляются и в том, как он умеет веселиться в парке или роще, за столиками, расставленными в тени платанов, под звуки аккордеона. И когда зарубежный гость занимает место рядом с рабочими, их жеман и детьми в воскресный день в кафе на окраине, то они видят в этом иностранце благожелательного друга.

Между советским и французским народами существует давняя традиционная дружба. Об этом напомнил в своем выступлении на открытии выставки французской книги и графики в Москве министр иностранных дел Франции Кристиан Пино. «Оба народа, которые были также близки друг к другу в прошлом и труды которых в течение длительного времени оказывали друг на друга глубокое воздействие», — сказал он, — стремятся возобновить свои традиции интеллектуального сотрудничества в новых формах. Для того, чтобы расцвести то надежное, которое могло разделить нас, нет ничего лучшего, как узнать друг друга. Это одна из целей, которые мы ставим перед собой».

Приветствуя у себя французских гостей — премьер-министра Франции Ги Молле и министра иностранных дел Пино, советские люди горячо надеются, что встречи и откровенный обмен мнениями между советскими и французскими руководителями еще больше сблизят наши страны, расширят культурный и экономический обмен между ними, будут способствовать упрочению мира в Европе и во всем мире.



Париж. Один из уголков французской столицы.

Письмо из Шанхая

## БОЛЬШИЕ ПЕРЕМНЫ

Семен БАБАЕВСКИЙ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

Решетчатая дверь тихо затворяется, лифт набирает скорость, и вот двадцатый этаж. Дальше идет винтовая лестница с железными ступеньками. Она выходит на продолговатую, с бильярдным столом площадку — самую высокую точку над городом.

Отсюда Шанхай виден весь — от дымчатых труб Чаюпа до серых, под цвет воды, джонков, точно ракушки, облепивших низкие берега Хуанпу; от фешенебельных особняков с каменными изгородями, от блестящих витринных магазинов до одноэтажных рабочих окраин.

В любую погоду Шанхай тонет в пеленной дымке. В солнечный же день, когда не выжухнет согретый весенним теплом воздух, дымчатая пелена над его крышами становится сияющей, будто слегка подкрашенной синькой. Поэтому — и прилегают к нему другие окрестности и высятся дома, и просторные кварталы, просторные множества узких улиц и кривых переулков — все с высоты кажется как бы нарисованным на матовом стекле.

Обычно сияя пелена висит недвижимо, и под ней лишь слабыми контурами обозначены фазы бедняков, черные, пропитанные застарелой копотью; там в окружении робкой весенней зелени выстроились нарядные виллы — горят на солнце широченные стекла веранд; там обособленно торчит высоченное здание табачного цеха, похожее на сигару, поставленную тонким концом вверх; там, над крутой доминантой, гораются угловатая громадина, какое-то бесформенное нагромождение кирпичи с темными, как у слепца, глазными окошками — всякому видно, что этот неулыбчивый домик в 18 этажей перебрался на берег Хуанпу из-за океана...

Именно здесь, в устье Хуанпу, на стыке двух больших рек, империализм всех мастей и оттенков глубоко запустил шупальцы и захватил Шанхай в свое грабительское гнездо. И лишь совсем недавно этот портовый великан наконец-то выпрямился, встал на ноги, сбросил с плеч гнет колониального рабства.

Сегодня Шанхай — это крупнейший порт и промышленный центр Китайской Народной Республики, и под его крышами вот уже второе пятилетие течет новая жизнь. Новизна ее видна во всем, на что ни взглянешь. И в том главным, большим, что в Шанхае нет иностранных селений, — город один и хозяин его сам народ; и в том частном, маленьком и в силу неприятия, когда семья потомственного ренкина, наконец, покидает джонку, переселяется в новый дом, расстается с нищетой и с жизнью на воде; и в том, что построен театр на 20 тысяч мест, и в центре города разбит народный парк, а там, где лежат бастионы старого города, красуются новые мосты и островки с бамбуковыми рощицами; и в том, что просторный двухэтажный особняк иностранного капиталиста превращается в Дворец пионеров — в десятках комнат, в концертных залах с утра и до вечера слышатся детские голоса... Приемы нового видны, наконец, в том, что миллионы рабочих класс Шанхая идет в авангарде технического перевооружения народного Китая; что он дает стране не только текстиль и широко известные во всем мире шанхайские шелка, парчу и крепы, но и поставляет оборудование для гидротехнических сооружений на реке Хуайхэ, посылает различные машины сельским кооперативам, а подъемные краны, цемент — новостройкам.

Но самая примечательная новизна в жизни Шанхая, как и в жизни всей страны, — это широкое, словно разлившаяся река, движение за социалистическое преобразование частной промышленности и торговли, за создание смешанных государственно-частных предприятий. Тут, как наглядное доказательство, необходимы цифры. Вот они: только в Шанхае 26 тысяч крупных и мелких промышленников и 50 тысяч торговцев добровольно объединили свои капиталы с богатством народа по своему выбору и согласию.

На свете, как известно, чудес не бывает, но сам по себе факт делового и политического сближения национальной буржуазии с народом поистине знаменателен. В наши дни китайские коммунисты успешно решают историческую задачу социалистического преобразования капиталистической промышленности мирным путем.

А что это так, говорят опять же не слова, а дела. И отыскивать их нет нужды. Они лежат на поверхности и открыты, так сказать, для всеобщего обозрения; и есть они повсюду — в любой деревне, в любом городе. В Шанхае, например, у входа на фабрику или в мастерскую, на завод или в магазин вы часто увидите новое, недавно

вошедшее в китайский язык слово «Гунсихайн», что означает: «Смешанное государственно-частное предприятие». А пройдите по набережной мимо качающихся на воде джонков. Лицом к реке стоит здесь прядильно-ткацкая фабрика, ранее принадлежавшая капиталисту Го Ди-хо, и на ее воротах также значится «Гунсихайн».

Называется фабрика «Юн ань», или по-русски, «Вечное спокойствие». Давая такое поэтическое название своей пятой по счету фабрике, где работает около четырех тысяч прядильщиков и ткачей, Го Ди-хо, видимо, мечтал не только о вечном спокойствии в грохочущих цехах, но и о личном благополучии и процветании. В ворота фабрики, впрочем, не заглядывали ни спокойствие, ни благополучие. Здесь до провозглашения Народной Республики царил нищета и бесправие, безмерная эксплуатация. Вывеска «Юн ань» на фабричных воротах для рабочих звучала, как насмешка.

Однако то спокойствие, о котором столько лет вещала вывеска, все же пришло к труженикам, и пришло оно мирной дорогой. Случилось это осенью прошлого года. В один из солнечных дней октября состоялось собрание рабочих с участием капиталиста Го Ди-хо. В обстановке доброй воли и взаимного доверия был подписан исторический акт — в тот день пять текстильных фабрик Го Ди-хо стали государственно-частными, а на их вывесках рядом со старыми названиями появились написанные свежей краской иероглифы «Гунсихайн».

Директором «Юн ань» был назначен посланец народа — коммунист Цянь, бывший подпольщик, человек волевой, в поступках строгий и уравновешенный. Это о нем говорят: Цянь удивительно спокойный, название фабрики как раз в характере его нового директора.

Спроваживая нас по цехам, товарищ Цянь показывал белые веретена, мотки готовой пряжи. «Все это было и прежде. Кажется, нет никаких перемен. Видите, все так же гудят веретена и так же нескончаемо тянутся нити. А взгляните в глаза прядильщиц, присмотритесь к их лицам. Не те, нет, не те лица и не те глаза...»

Ритмичный, тягучий гул машин глушил голос, мешал говорить, и мы продолжили беседу в директорском кабинете. С улыбой многого хозяина товарищ Цянь поведал нам о начальных ростках социализма. Они еще слишком слабы, как всякие ростки, только что пробившиеся к теплу и солнцу. Но с каждым днем эти ростки крепнут и набираются, по выражению директора, «живительными соками». И он рассказал о том, как постепенно из обихода рабочих исчезают такие слова, как «чужое», «чужий шею на хозяина». Но зато все чаще можно слышать выражения, которые раньше могли быть лишь мечтой: «наша фабрика», «на себя работаем», «станки надо беречь — не чужие».

В этом «живительном соке» отнес директор и такой примечательный факт: за первые шесть месяцев «Юн ань» увеличила производство пряжи и подняла производительность труда почти в половину.

Товарищ Цянь показывает на столбцы цифр и говорит:

— Откуда пришли эти успехи? За шесть месяцев, да еще и без каких бы то ни было усовершенствований, и такой скачок. Что же будет лет через пять-десять, когда устаревшие станки будут заменены более совершенными, когда распри-

рим цехи, механизмуем процессы труда? Главная причина успеха состоит в том, что у рабочих поднялось настроение. Как-то я спросил женщин-прядильщиц: как идут дела? Ответила пожилая работница Ай-ли: «Теперь наши дела идут так, что и работаете веселее и дышитесь легче». Потом улыбулась и добавила: «За тридцать лет первый раз работаю на себя, а не на хозяина».

«Первый раз работаю на себя, а не на хозяина...». Это мысли не одной прядильщицы Ай-ли, а миллионов таких же, как она, ее сестер и братьев. И в этих простых словах — живая правда о сегодняшнем Китае. Именно так оно и есть, как говорит Ай-ли. Первые же многовековую свою историю народ познал свободным трудом, и все, что делается сейчас в Китае, народ делает за себя...

Возникает вопрос: где же бывшие капиталисты и торговцы? Чем они занимаются и какова их судьба? И где, в частности, Го Ди-хо — бывший хозяин «Юн ань»? Может быть, он заключен в тюрьму?

Именно об этом из дня в день твердят по радио иностранные «голоса» всякого тембра. Их вранье о «красных ужасах» изрядно залесневало и отдало духом. Клятвенным же уверениям о том, что китайские капиталисты якобы спят и во сне видят Америку, что они жаждут переехать за океан, никто не верит — все меньше на свете навывших людей. А тут еще возникла новая помеха «Голосу Америки»: та главная сна, на которую Чан Кай-ши и его американские кровопийцы делали ставку, пошла в китайском народе. Вот уж чего-чего, а этого враги народного Китая не ждали. Оттого-то и обоблачили до крайности, а потом наскоро состряпали новую фальшивку, что мирное преобразование частных предприятий в Китае — это «де-юре» и пропаганда мирового коммунизма; что у всех китайских капиталистов и торговцев имущество отобрано, а сами они арестованы и посажены в тюрьму.

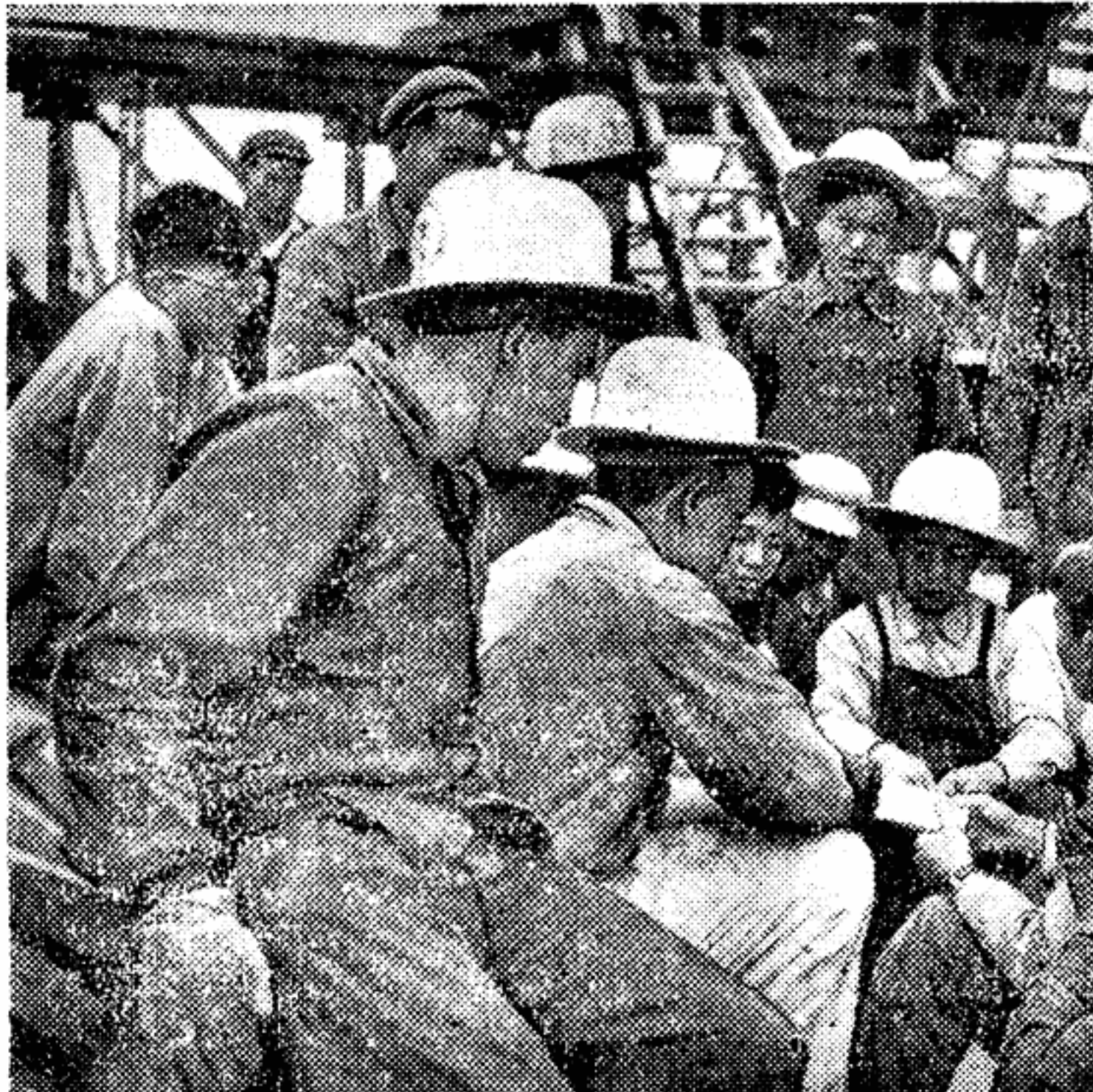
Но и самая злобная клевета не в силах скрыть правду. Правда же состоит в том, что тысячи бывших капиталистов и торговцев принимают активное участие в преобразовании своих бывших предприятий. Они или работают ныне директорами, другие — заместителями директоров, инженерами, продавцами или конторскими служащими. Словом, каждый занят полезным делом, трудится в меру своих сил, получает заработную плату и известные проценты с внесенного капитала. И первые же месяцы работы смешанных предприятий показали, что мудрая политика Коммунистической партии Китая и народного правительства получила одобрение всего народа. Об этом известно теперь далеко за пределами Китая. А те немногие капиталисты и торговцы, что поддались враждебной агитации и в дни освобождения страны уехали в Гонконг или на Тайвань, теперь мечтают о возвращении на материк, а кое-кто уже вернулся.

Два слова о Го Ди-хо. С Тайваня продолжает пилкать чанкайшистская кудря, вещая о том, что Го Ди-хо по одному варианту якобы бежал на какой-то остров, а по другому — якобы хохлит по Шанхаю в обваренной одежде и нищенствует; что у него конфискованы не только фабрики, но и роскошный особняк с богатой мебелью и т. п.

На самом же деле этот видный шанхайский промышленник стал сейчас главным директором пяти фабрик, руководителем текстильного комбината. Он не только не бежал на какой-то мифический остров, а обличен высоким доверием народа — избран депутатом Всекитайского собрания народных представителей. Вот уж, как говорится, невероятно, а факт, а факты, как известно, — вещь упорная.

Что же касается особенно тихой шанхайской улице Хуашань-лу, то его законный хозяин совсем недавно принимал здесь иностранных корреспондентов. Мы разместились на нескольких, восточного стиля диванах. Высокие окна холла выходили в сад. Пели птицы.

День был пасмурный, прохладный. Го Ди-хо усеялся против камня, и когда наблизился, то отблеск огня ложился на его смуглый, золотистый лоб, золотистые виски, заметно тронутые изморозью седины. Хозяин угощал нас душистым чаем и по нашей просьбе не спеша и подробно рассказывал о своем самочувствии, о себе и о перспективном плане роста бывших своих текстильных фабрик.



Бригада Чжан Юн-шана обсуждает результаты работы на строительстве моста через Янцзы.

Снимок агентства Синьхуа ШАНХАЙ, май

# КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦИИ

КНИЖКИ ДИСКУССИИ

СПЕКТАКЛИ ВЫСТАВКИ

## ДИСКУССИИ О ФРАНЦУЗСКОМ КИНО

На страницах литературно-художественного еженедельника «Леттр франсез» развинулась дискуссия о путях развития французского кинематографа.

Первым выступлением в дискуссии явилась статья кинокритика Анри Маньяна, отрицательно оценившего известный фильм «Если бы все парни мира...». Критик пренебрежительно отозвался и о новой кинокартине «Лучшая доля», посвященной мирному труду и простым людям. Он писал: «Я не верю в художественную ценность произведения, которое стремится заставить нас уверовать в универсальную добродетель мира».

Маньяну отвечает на страницах «Леттр франсез» известный кинорежиссер Жан-Поль Ле Шануа статьей «Нет, добрые чувства не скучны!». Ле Шануа объясняет, что побудило его вступить в полемику. Дело не в том, что два названных фильма подверглись критике, говорит он. Выпала Маньяна направленная «против целой группы фильмов определенного рода», фильмов, в основе которых лежат демократические идеи и гуманные чувства.

«Не беспокойтесь, Маньян», — с горечью добавляет Ле Шануа, — их совсем немного, фильмов, построенных на добрых намерениях. Ведь так трудно добиться съемки подобных фильмов, так трудно убедить продюсеров и тех, от кого зависит проект». Ле Шануа считает, что выпадает против кинофильмов, прославляющих братскую солидарность и героизм людей труда, на руку тем, кто на протяжении многих лет предлагает зрителям плоские детективы, стандартные «боевики» об убийцах, бандитах и женщинах легкого поведения.

Ле Шануа поднимает далее вопрос ответственности деятелей кино за свою продукцию. «Все, что косвенным образом пропагандирует жажду убийства (т. е. учит презирать человеческую жизнь), протитивно и порнографично (т. е. учит презирать любовь), лобоз и эгоизм (т. е. учит презирать благородство)», — все это пагубно для человека, все это унижает его. «Если все мы, литераторы, критики, постановщики, располагаем какой-то силой воздействия, если у нас имеется собственное поле деятельности, то пусть эта деятельность будет служением человеку и прогрессу», — заключает Жан-Поль Ле Шануа свою интересную статью.

## ВЫСТАВКА СОВРЕМЕННОГО ПОРТРЕТА

В Париже, в музее Гальера, открылась выставка современного портрета, в которой участвуют сто французских художников. Парижская пресса отмечает, что организаторы выставки проявили большую «честность и оптимизм», предприняв попытку «реабилитации современного портрета».

Многие современные художники, предпочитающие более доходную работу, некоторые же деятели искусства считают, что в век расцвета фотографии и кино искусство портрета теряет свою актуальность.

Полтецца Жюльетта Дарль на страницах «Юманите» приветствует выставку. Отмечая, что далеко не все из представленного равноценно, Дарль подчеркивает, что «портрет попрежнему достоин усилий современных художников».

Среди многочисленных картин, присланных на выставку, внимание посетителя привлекают портреты Арагона и Эльзы Триоле работы художника Бориса Сланского, Чарли Чаплина — работы художника Прессмана, Ива Монтана и Симоны Синьора — работы Жана Коммэра, Фредерика и Ирэн Жолио-Кюри — художника Жерара Сенже.

На выставке представлены также произведения французских скульпторов. Многие из них получили высокую оценку критики, как, например, скульптурные портреты госпожи Орлюй (супруги бывшего президента Французской республики) работы Марселя Жимона и французского кинорежиссера Жан-Поля Ле Шануа работы Дидерона.

## ВТОРОЙ РОМАН ФРАНСУАЗЫ САГАН

Имя двадцатилетней Франсуазы Саган широко известно не только во Франции. Уже около двух лет французская печать шумно обсуждала достоинства и недостатки ее первого романа «Здравствуй, трусь!». Он разошелся во Франции рекордным тиражом в 450 тысяч экземпляров, а в США попал в разряд «бестселлеров».

Несомненно, что определенную часть читателей привлекают не столько литературные достоинства романа, сколько та скандальная популярность, которую создала этой книге буржуазная пресса, смакующая описание любовных переживаний героев.

Недавно издательство Жюльбар выпустило новый роман молодой писательницы «Ее улыбка». Франсуаза Саган рассказывает историю любви одинокой девушки Доминики к некоему Люку, человеку вдвое старше ее. Люк и Доминика вместе проводят свой отпуск на Лазурном берегу. Две недели пролетают быстро, Люк возвращается в Париж, к своей жене, к своим делам.

Трагически переживает разрыв Доминика. Ее человеческое достоинство унижено, она замыкается в своем одиночестве... Французские критики по-разному встретили новый роман Франсуазы Саган: одни — восторженно, другие — иронически, третьи — досадно, что талантливый молодой автор замыкается в камерном мирке своего интимных переживаний своих героинь, переживаний, зачастую носящих эротический характер. Журнал «Регар» пишет: «От Франсуазы Саган, несомненно, можно ожидать большего...». Ее талант обзывает ее подарить нам произведения иного рода».

## АЛЬБОМ О ПАРИЖЕ



«Если бы сейчас перед нами поставили задачу собрать для поколений, которые будут жить в 2956 году, один-единственный документ, назначение которого — показать им, «каким был наш современный Париж, то я предложил бы этот альбом». Такими восторженными словами приветствовал критик Люсьен Барнье выход книги-альбома «Любовь в Париже». Альбом создан в творческом сотрудничестве известным писателем и публицистом Франсуазом Жюльбаром и талантливой художницей Мирей Мизль.

«Это поистине Париж нашего века», — продолжает Барнье, — такой, каким мы узнали его от наших отцов, но и такой, каким мы передадим его нашим детям. Все здесь знакомо и привычно для парижанина: автобусы и скверы, рынки и вокзалы, открытые террасы кафе, уличные торговцы и прохожие...».

С любовью рассказывая о повседневной жизни Парижа и рядовых парижан, Франсуаз Жюльбар написал текст, исполненный простоты, остроумия и добродушной лукавства. Высоко оценены французской печатью также четыре выразительные рисунки Мирей Мизль, посвященные парижским будням.

«Вот парижанин поднимается по лестнице своего дома. Разве вам не случалось ее встретить? А вот воскресный день в Париже. Юноша объял свою возлюбленную. Отец держит на руках маленького ребенка... Разве вы не наблюдаете все это, когда выходите на улицу?» — спрашивает, обращаясь к своим читателям, газета «Юманите».

Выше мы приводим один из рисунков Мирей Мизль.

## ИНТЕРЕС К НАРОДНОМУ КИТАЮ

Необычайно велик во Франции интерес к народному Китаю. Многие французские писатели, посетившие Китай, рассказали о своих впечатлениях в очерках и книгах.

О Китае писали и Клод Руа, и Пьер Гаскар, и Жан-Поль Сартр. Недавно во Францию вышли в свет две новые книги о Китайской Народной Республике: «Приключения французца в Китае» Вернора и «Китай» Жана Бреко. Под этим псевдонимом выступил известный общественный деятель и писатель Гастон Моммуссо.

Известный писатель Веркор предлагает вниманию читателя свой путевой дневник, избранный его собственными рисунками и фотографиями. Свободно и непринужденно писатель ведет рассказ о созидательном подвиге китайского народа. Высоко оценивая новую книгу Вернора, французский критик Жильбер Мюри отмечает, что автор показывает Китай «во всем его бесконечном разнообразии и величии», знакомит читателя с «гигантским трудом счастливого народа, строящего новый мир».

Другая книга — «Китай» Жана Бреко — вышла в издательстве «Эдитер франсез реюна». Жан Бреко, один из старейших французских литераторов, живя рассказывает о своеобразной природе Китая, величественных памятниках его истории. В своем отзыве на эту книгу писатель Пьер Гаскар говорит, что читатель найдет в «Китае» Жана Бреко смелые и разносторонние впечатления.

## «СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК»

На сцене парижского театра «Сары Бернар» возобновилась постановка известной пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Приветствуя возобновление спектакля на парижской сцене, газета «Юманите» напоминает в связи с этим слова Эдуарда Эррио: «Сирано — это крупное национальное явление». Высоко оценивая работу режиссера Раймона Руло и мастерство исполнителя главных ролей, газета отмечает, что благодаря их усилиям в спектакле полным голосом звучит лежащая в основе пьесы гуманистическая идея. На снимке: Пьер Дю в роли Сирано.

## В нескольких строках

Вышел десятый том полного собрания сочинений А. М. Горького на французском языке, издание которого осуществил парижский издательство «Эдитер франсез реюна». В этот том вошли «Новолыбы», «Супруги Орлюй», «Варенка Олесова» и другие произведения в переводе Клота Моделла.

После недавних гастролей московского цирка в Париже в столичном издательстве «Сериль д'ар» вышел альбом, посвященный советскому цирку. Вышла статья о работе советских цирковых артистов написана Тристаном Реми, фотографией — Пина.

Еженедельник «Авангард» сообщает, что французские читатели с интересом встретили появление на прилавках книжных магазинов книги советского писателя Д. Гранина «Ярослав Домбровский» в переводе Юрия Ару.

## ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС

НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ ЗАВЕДУЮЩИХ КАФЕДРАМИ: основ марксизма-ленинизма — профессор или доцент истории советской литературы — профессор истории русской литературы — профессор истории зарубежной литературы — профессор языкознания — профессор истории иностранных языков — доцент

Срок конкурса — 25 дней. Документы направлять по адресу: Москва К-104, Тверская бульвар, 30.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИЯ, Н. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).